

Чемакин А. А. «Космополитический национализм» Всеволода Чешихина / А. А. Чемакин // Научный диалог. — 2015. — № 1 (37). — С. 108—128.

УДК. 329.17

«Космополитический национализм» Всеволода Чешихина

А. А. Чемакин

Статья посвящена изучению своеобразной «национал-либеральной» теории, созданной проживавшим в Риге русским публицистом начала XX века В. Е. Чешихиным. Материалом послужили статьи Чешихина в прессе и документы двух архивов. Комментируются этапы развития прогрессивного национализма (провинциализм, панруссизм, панславизм), истоки русского национал-либерализма в литературе (А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский), взаимосвязь между национализмом и космополитизмом. Охарактеризовано отношение В. Е. Чешихина к политическим феноменам (реформа государственного устройства, славянское движение, еврейский вопрос, взаимоотношения русских с инородцами и т. д.). Уделяется внимание попыткам Чешихина реализовать свои идеи «космополитического национализма» на практике путем создания Русской национал-либеральной партии в Риге, участия в выборах в Государственную думу первого созыва, предложения своей программы для гипотетического объединения мирнообновленцев (прогрессистов), правых кадетов и левых октябристов, а также для созданной в 1914 году национал-демократической «Народной партии». Автор приходит к выводу, что появление теории Чешихина является следствием специфического состояния национальных отношений в прибалтийских губерниях Российской империи, а также обусловлено экстравагантностью ее автора.

Ключевые слова: национализм; космополитизм; либерализм; национал-либерализм; политические партии Российской империи.

1. Введение

Сегодня имя Всеволода Евграфовича Чешихина (1865—1934) практически неизвестно широкой публике. Те историки, кому эта

фамилия знакома, в первую очередь вспоминают или его отца — Евграфа Васильевича Чешихина, публициста, историка-краеведа, славянофила, основателя «Рижского вестника», или его брата — Василия Евграфовича Чешихина, журналиста, литературоведа и одного из лидеров нижегородских конституционных демократов. Сам Всеволод Евграфович, родившийся и проведший значительную часть сознательной жизни в Риге, занимался литературной деятельностью, сотрудничал во множестве газет и журналов, преподавал теорию музыки, разрабатывал собственную версию международного языка, названную им *непо*. Получив юридическое образование в Санкт-Петербургском университете, он служил сначала мировым судьей, а затем присяжным поверенным. Его литературные произведения, скажем откровенно, были достаточно заурядны, а научные работы (в первую очередь, посвященные истории русской оперы) носили во многом компилятивный характер. Намного важнее была его роль как организатора русской общественной и культурной жизни в Риге начала XX века, и именно на этом поприще он стал достойным наследником своего отца. В данной работе мы хотели бы затронуть еще один аспект творческой деятельности В. Е. Чешихина, а именно проповедуемую им теорию «космополитического национализма» (именно такое наименование лучше всего, на наш взгляд, подходит для его концепции, хотя сам он предпочитал говорить о «русском национал-либерализме», или о «прогрессивном национализме»).

Сразу отметим, что на теорию Чешихина оказали огромное влияние труды двух крупнейших философов России конца XIX века — В. С. Соловьева и К. Н. Леонтьева. Чешихин взял от Соловьёва, с которым был знаком и неоднократно общался в юности, считая его одним из своих учителей, окрашенный в религиозные тона космополитизм как идеал, но в то же время был не согласен с его оценкой национализма как явления, противоречащего этому идеалу. Всеволод Евграфович полагал, что «национализм — неизбежное зло, но вместе и неизбежная ступень к космополитизму» [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7.

Д. 3836. Л. 5]. В данном аспекте концепция Чешихина опирается на мысль Леонтьева: «“Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации”. У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один - космополитический» [Леонтьев, 2007, с. 500].

Большое влияние на концепцию Чешихина оказала и его родная Рига, которая была, с одной стороны, важным имперским центром, местом жительства довольно большой колонии русских чиновников и их семей, а с другой — крупным поликультурным городом, на улицах которого можно было услышать и русский, и немецкий, и латышский языки, и идиш. В 1934 году дочь Чешихина Валерия, жившая в эмиграции в Белграде, писала своему отцу, оказавшемуся на тот момент в Нижнем Новгороде (уже два года как носившем название Горький): «Я вспоминаю старый дом, взморье, <...> мне снится Рига, латышский язык; я вспоминаю ночью латышские слова; вместе с тем я обожаю немецкую музыку; я люблю слушать немецкие песенки, хотя знаю – они не звучны, но для моего уха мила эта музыка, я их слушала в детстве. Моя мечта уехать в Ригу, и это единственная самая большая мечта» [Круминя, 1996, с. 143]. Сам про себя Чешихин говорил (в третьем лице): «Как публицист, Чешихин с особенным вниманием относится к расовым и национальным вопросам — что вполне понятно со стороны литератора, выросшего и живущего на окраине, в сутолоке национальных интересов» [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3836. Л. 4] Чешихина всегда, в том числе и в его литературном творчестве, занимала проблема: как одновременно остаться русским и найти пути сближения с местными инородцами? В пьесе, имеющей подзаголовок «Драма из прибалтийских нравов конца XIX века», он рассматривает тему противостояния русской и немецкой общин, а также затрагивает «очень серьезную проблему самоощущения че-

ловека, переживающего, говоря современным языком, кризис национальной идентичности» [Круминя, 1996, с. 132]. Латвийский историк И. Круминя отмечает, что «Чешихин чрезвычайно любил этот край, особенно Ригу, знал и понимал его своеобразие, но в то же время слишком отчетливо чувствовал отчужденность, если не враждебность окружающей среды. Слишком тяжелой и неблагодарной оказалась миссия “обрусителя”, которую он добровольно перенял от отца» [Там же, с. 137]. Все вышперечисленное наложило свой отпечаток и на его теорию «космополитического национализма».

2. Концепция объединения всех национальностей в единую народность

В основе концепции Чешихина, наблюдавшего за процессами глобализации, происходившими в конце XIX — начале XX вв., находится положение о том, что «национальности, в силу естественного закона, не смотря ни на что, сольются в единую народность»: «Но какими путями? Путями расового федерализма (В данном случае термин «раса» используется в смысле не строго научном, а скорее публицистическом, описывающем крупные этноязыковые общности («славянская раса», «германская раса» и т. д.). — *А. Ч.*) Эти пути суть: панроманизм, пангерманизм (с тремя его подразделениями: панпруссизмом, панбританизмом и англо-американизмом) и панславизм — для Европы. В силу естественного закона народной психологии, панроманцы и всеславяне сольются друг с другом и некоторое время этот новый “пан-изм” будет противостоять пангерманизму; но впоследствии он сольется с ним, образуя пан-европеизм. Россия, в азиатской ее части, будет звеном между пан-европеизмом и пан-азиатизмом (с подразделениями последнего, каковы пангебраизм или сионизм, панисламизм и т.п.). Англо-американизм будет звеном между грядущею Европою и Америкою, Африкою и Австралиею. Только такими путями осуществится идеал высшего “пан-изма”, - объединенного человечества! Тогда-то человечество станет искать и найдет

своих космических собратьев на планетах (Марсе и т. д.) и звездах! Таков мой символ веры!» [Собеседование..., 1904, с. 28].

В деле международного сближения он различал «два обуславливающих его фактора: 1) государственный и 2) расовый: «Первый есть общность правовых интересов, второй — кровная близость народов. <...> Национальный принцип в 20-м веке уже переходит в идею расовой эволюции: “руссизм” (В данном случае мы оставили то написание, которое использовал сам Чешихин. — *А. Ч.*) является притоком реки “панславизма” (что явствует из оживления деятельности русско-славянских обществ и журналов <...>); намечаются течения “пангерманизма”, “панроманизма” (столь поучительного для нас, русских, по причине славяно-романского сближения, носящего характер не только политического договора — в виде франко-русского союза — но и общественно-культурной организации, в виде, например, учрежденной в 1903 году в Париже “Кельто-славянской лиги”). <...> Оба рода международного сближения имеют единую идеальную цель: объединенное человечество, и поэтому не следует пренебрегать ни государственным, ни расовым принципом международного сближения» [Наша цель..., 1904, с. 1].

При этом многие положения теории Чешихина были, на первый взгляд, парадоксальными. Так, например, он полагал, что русско-японская война будет только способствовать международному сближению: «Дело в том, что механическое сближение непосредственно предшествует сближению психическому. Когда заинтересовываешься человеком? Тогда, когда к нему приближаешься механически! Надо приблизиться к японцу механически (хотя бы и с целью убить его), чтобы от него повеяло особым “флюидом” человечности, чтобы сердце подало сердцу весть: это не отвлеченное понятие “японец”, но реальное существо — “человек”!» [Русский европеец, 1904а, с. 7] Кроме того, война обогатила «русский книжный рынок последних лет сочинениями о Японии» [Там же], что должно было помочь русским больше узнать о японцах, и, как следствие, научиться их понимать.

Из этих вводных тезисов происходила и такая же парадоксальная концепция национализма В. Е. Чешихина. В своей основной теоретической статье «Национализм прогрессивный и прогрессирующий», напечатанной впервые в 1901 году в № 7 рижского журнала «Северо-Западная Неделя», а потом еще несколько раз переиздававшейся, он пытается доказать, что «прогрессивный и прогрессирующий национализм не есть цель; он есть средство достижения высших культурных благ, доступных человечеству» [Русский европеец, 1904б, с. 21].

Позволим себе привести большую цитату из данной статьи: *«Окраина — естественный рассадник национализма прогрессивного и прогрессирующего, так как именно на окраине можно подметить все положительные и отрицательные стороны национализма; именно на окраине легче всего усваивается мысль о национализме, как о средстве, а не о цели.»*

Живя на окраине, русский человек сталкивается в обыденном быту с инородцами, познает неизбежность национального идеала. На нашей прибалтийской окраине пробуждается национальное самосознание сильнее, чем во внутренних губерниях, так как предметы познаются сравнением, и русский познает особенности своего душевного склада, сравнивая себя с немцем. С другой стороны, именно окраинный инородец, вызывая чувство национализма, как бы предостерегает от его крайностей. Что может быть нелепее бюргера-инородца, довольного тем, что он “лифляндец” и вполне счастливого тем, что он “балтиец”, т.е. сын целых трех губерний Российской империи! Не предостерегает ли этот бюргер, узостью своего национального идеала, от увлечений национализмом, который может выродиться в пошлейший провинциализм?

Истинный, прогрессивный и прогрессирующий, национализм, не вырождается, но развивается. Русский окраинный деятель, сознавая себя сыном прибалтийской окраины, не довольствуется этим сознанием; он - сын не трех русских губерний, а всей России, где этих губерний около сотни. Быть русским прибалтийцем хорошо,

но быть русским россиянином — уже лучше. Националист, привыкший иметь в виду культурные интересы всей империи, разумеется, прогрессивнее националиста, для которого только и света, что в окраинном окошке. На этой второй стадии развития национализм становится панруссизмом.

Но и панруссизм может выродиться в нетерпимое расовое самодовольство, исключающее всякий дальнейший духовный прогресс. Дело в том, что националист-панруссист, в один прекрасный день, перестает довольствоваться тем, что он - дитя России; он чувствует себя единицей в целом большего объема; он сознает себя славянином, которому не чуждо ничто славянское. На этой стадии развития, национализм отождествляется с панславизмом.

Но панслависту хорошо известно существование мировых национальных течений, подобных панславизму — пангерманизма, панроманизма и т. п. Если он застынет в своем панславизме, то он не подыметься до той точки зрения, с которой открывается закономерность всех этих “пан-измов” (расовых пан-идей), он не достигнет истинной человечности.

Вот, следовательно, три этапа на пути национально-прогрессивного идеала: провинциализм, панруссизм и панславизм. Прежде чем научиться быть “всечеловеком” или хотя бы лишь “русским европейцем”, надо поучиться быть хорошим русским прибалтийцем, затем, хорошим русским россиянином и потом — хорошим русским славянолюбом» [Там же].

Чешихин полагал, что «прошли времена маленьких государств-буферов и проходят времена великих национальных держав. Европа понемногу делится на три громадных расовых единства: славянское, романское, германское» [Чешихин, 1913а, с. 3]. Именно поэтому «нет нужды восстанавливать царство Польское. Россия, центр славянства, должна наладить правильный *modus vivendi* с поляками, но для этого достаточен <...> польский гомруль» [Там же]. Подобное же отношение к украинской проблеме Чешихин выразил в стихах: « . . . Ну, так

знай же, / Что Гоголь ту Украину возвеличит / И сблизит с Русью —
с тем великим целым / В которое славянские народы / Когда-нибудь
солятся воедино, / Как с вешних гор бегущие ручьи / Вливаются
в поток речной широкий, / Который воды вынесет ручьев / На волю и
простор широкий моря, / Где сам потонет в бездне голубой. / Народ-
ности украинской ручей / Своею силой не сольется с морем / Вселен-
ской человечности иначе, / Как только слившись с рекою-Русью!...
/ Ты видишь ли теперь, к какой прекрасной / И благородной цели
устремлен / Союз сердечный, братский — русской Музы / С украин-
скою Сказкою?... » [Чешихин, 1904, с. 18]

«Чуждый расовой нетерпимости, но вместе и национального ин-
дифференцизма», Чешихин полагал, что «великий всероссийский
инородческий вопрос будет решен в смысле желательности и для об-
щества, и для государства, если меры обрусения будут культурны и
будут проводиться в жизнь при помощи самой инородческой партии,
склонной к духовному общению с русскою интеллигенциею» [ИРЛИ.
Ф. 377. Оп. 7. Д. 3836. Л. 5]. В связи с этим он особенное внимание
уделял еврейской проблеме (вероятно, определенную роль здесь сы-
грало и то, что второй его женой была крещеная еврейка Клавдия
Филипповна Лещинская), полагая, что «мы, русские, должны сочув-
ствовать сионизму, как одному из средств решения еврейского во-
проса на Руси»: «Если взглянуть на евреев, как на часть российского
инородчества, то окажется, что среди евреев есть старо-инородцы,
враждебные процессу ассимиляции с русскими, и младо-инородцы,
склонные к последней. Почему бы не облегчить “заядлым”, обосо-
бляющимся старо-еврейским элементам переселение в Палестину?
Но в одном положении с Россией и все европейские державы. Поэто-
му все они <...> должны бы собрать конгресс для содействия сиониз-
му; все державы должны бы содействовать основанию нового Сиона.
После основания последнего оставшиеся в России младо-еврейские
элементы, склонные к ассимиляции, могли бы получить то равно-
правие с прочими российскими инородцами, к которому они стре-

мятся. Именно в сионизме — ключ к решению еврейского вопроса и в России, и в Европе!» [ИРЛИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 7. Л. 91] Он считал, что, «не уступая никому из инородческих племен руководящей роли в распоряжении судьбами России, русская господствующая нация, <...> в данный политический момент, в отношении к инородцам, да будет “кротка, как голубь, и мудра, как змий”» [Там же. Л. 93].

Стоит отметить, что, будучи верующим человеком, Чешихин не уделял особого внимания религии в национальном вопросе, что было обусловлено его опытом, извлеченным из проживания в Прибалтике: «Мало ли у нас в крае православных латышей и эстов, не желающих отречься от своей народности и считающих себя, прежде всего, латышами и эстами, а потом уже русскими? Юридическими признаками принадлежности к той или иной народности считаются: 1) заявление самого лица, каким языком он пользуется с особенною охотою в своей частной жизни и 2) домашний язык родителей в момент рождения данного лица; вероисповедание же тут ни при чем, — мало ли в прибалтийском крае лютеран, обижающихся, когда их называют “немцами”?» [Там же. Л. 4а]

Одно из ключевых мест в концепции Чешихина занимал славянский вопрос — предпоследняя ступень перед всемирным объединением. Он считал, что «идея междуславянского сближения сильно дискредитирована на Руси московскими и петербургскими славянофилами вроде Каткова и Суворина, систематически и долго предлагавшими обществу, под флагом культурного и федеративного панславизма, воинствующий <...> “панруссизм”»: «Когда русское общество <...> получит народное представительство и научится презирать ретроградов, то оно сразу заметит подлог и сумеет оценить непопулярную ныне идею по ее истинному достоинству. Это во-первых. Во-вторых, для торжества панславянской идеи, необходимо сознание, что всякое расовое (пан-идейное) течение отнюдь не противоположно течению всечеловеческому, а надо заметить, что именно это соображение охлаждало либеральную часть нашей прес-

сы, в ее отношениях к славянскому вопросу. У нас на Руси либерализм еще не вышел из детской стадии идеалистических мечтаний на тему, что можно из русского человека в одно мгновение, без всяких усилий, стать “гражданином вселенной”; в нашем либерализме еще нет фракции, которая на Западе носит название *национал-либерализма*: все мы, российские либералы, повинны в грехе национального индифферентизма, и только в последние годы появляются у нас органы печати, вроде “Прибалтийского края” (газета, одним из ведущих сотрудников которой и был В. Е. Чешихин. — А. Ч.) в Риге и газеты “Русь” в С.-Петербурге, которых можно назвать первыми русскими “национал-либералами” (причем национал-консерваторов, вроде “Московских ведомостей” и “Нового времени”, у нас так много, что хоть отбавляй!). Когда мы поймем, что Пушкин впал в ретроградную ошибку, считая Русь морем (“славянские ль ручьи сольются в русском море?”), тогда как Русь — всего лишь приток, всеславянство — река, а море — человечество; когда мы поймем, что, прежде чем стать хорошими гражданами вселенной, нам надо научиться быть сперва — хорошими русскими, а затем, неминуемо и обязательно, — хорошими славянами; — тогда и начнется у нас на Руси новое, могучее общественное течение в сторону славянства. И в этом стремлении соединятся умные и хорошие русские люди всех политических мировоззрений (кроме, конечно, крайних ретроградных и радикальных партий), и междуславянское сближение из сферы прекрасной теории перейдет в область желанной практики!» [Русский европеец, 1905а, с. 159] «Россию ссорит с западными славянами, — резюмировал Чешихин, — “нововременский” и замоскворецкий “панруссизм”, основанный на мракобесии и отстаивании нашего бюрократического status quo во внутренней политике, а также человеко- и славяноненавистнической воинственности в политике иностранной. Но всероссийская реформа — это залог мирного и культурного федеративного “панславизма”, который сблизит Россию с чехами и другими инославянами, привычными к западноевропейскому правопорядку» [Рус-

ский европеец, 1904в, с. 45]. Таким образом, он увязывал вопросы внутренней политики с вопросами политики внешней и вопросами славянского объединения и, по сути, солидаризировался с представителями так называемого «неославизма» — К. Крамаржем, Д. Н. Вергуном и другими.

При этом Чешихин не считал возможным реализовать все свои глобальные замыслы в самое ближайшее время. Наоборот, он считал, что «мы не должны считать осуществимыми “толстовские”, анархические, социалистические и другие утопии, а должны добиваться возможной реформы экономической и политической не свыше, чем на конституционно-демократических началах!» [Русский европеец, 1906, с. 205] Чешихин писал в автобиографии, что «сознавая себя эволюционистом, но не революционером, с одной стороны, и желая быть реальным политиком — с другой», он «чувствовал себя с молодых ногтей не способным ни к деятельности в революционном подполье, ни к утопическим программам, ни к страданию за них в ореоле гражданского мученичества, ни, тем не менее, к какой-либо политической фразе и позе» [ИРЛИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13. Л. 10]. Его идеалом было объединение сначала славянства, а потом человечества, но это были цели далекого будущего, в то время как по целям и задачам данного исторического момента — создания русской политической нации из жителей Российской Империи — теория Чешихина полностью совпадала с русским национализмом. Недаром в октябре 1906 года Чешихин оказался на приеме у П. А. Столыпина в составе делегации от окраинных русских националистов (в тот момент, правда, состоявших преимущественно в «Союзе 17 октября») [Там же. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3836. Л. 65]. Первым же шагом как к завершению мирного создания русской политической нации, так и к началу объединения славянства должны были быть либеральные реформы. Обсуждая будущий государственный строй, Чешихин предложил формулу: «самодержавие, само себя ограничивающее», и выразил ее в стихах: «Самодержавие в России правомерно / и ограничивать должно само

себя, / гражданской вольности служа нелицемерно, / благополучие народа возлюбя» [Чешихин, 1905, с. 207]. «Залогом быстрого движения России по пути и внутреннего, и внешне-славянского развития» могла бы стать «новая всероссийская и всеславянская Государственная Дума, долженствующая раскрыть России перспективы братства еще более далекого, чем всеславянское: братства всечеловеческого» [Русский европеец, 1905б, с. 246].

3. Общественно-политическая деятельность В. Чешихина

Чешихин пытался воплотить свои идеи — по крайней мере, программу-минимум — и на практике. В октябре 1905 года он опубликовал платформу Русской национал-либеральной партии в Риге, в которой в сжатой форме изложил основные свои идеи: «Национализм для нас — не цель, а средство достижения великого космополитического идеала, когда “все люди, распри позабыв, в великую семью соединятся”»; мы хотим стать хорошими русскими, чтобы потомки наши могли стать хорошими всечеловеками. Окраины — для России, Россия — для славянства, славянство — для человечества; вот наша формула. Все российские инородцы (поляки, немцы, евреи и т. д.) должны получить одинаковые права с коренным русским населением Империи, но Империя должна оставаться единою и нераздельною в смысле государственной правомерной централизации (никаких особых сеймов! одна для всей России государственная дума!) и первенства русского языка над инородческими. Во всех государственных учреждениях, содержащихся на казенные средства (судах, учебных заведениях и т. д.) главным языком устным и письменным должен быть русский, с допущением переводов на инородческие языки. Во всех учреждениях самоуправления городского и земского русский язык должен играть роль обязательного переводческого языка, на который должны переводиться все бумаги, все устные прения и т.д. Россия, прежде всего, для русских, и во всех пунктах Империи каждый русский человек должен чувствовать себя вполне “дома”. Но в частных

инородческих учреждениях (учебных и др.), содержимых на частные средства и не дающих казенных прав (приобретаемых школьниками по государственным экзаменам) может господствовать полновластно любой инородческий язык. Тот же просвещенный национализм должен проявляться и во внешней политике России, которая должна иметь в виду тесное сближение с западными славянами, а затем с более близкими нам по национальному характеру романскими народами (французами и др.) — поддерживая, однако, добрые христианские отношения со всеми заграничными народами вообще, памятуя, что русский национализм есть не цель сам по себе, а лишь средство к осуществлению космополитического “царства Божия” на земле”» [Платформа..., 1905, с. 1].

При создании партии Чехихин во многом ориентировался на опыт немецких национал-либералов. Он отмечал, «что германская национальная партия выделилась в конце 1860-х гг. из “прогрессистской”, индифферентной к немецкому национальному вопросу, связанному с государственным объединением Германии; так точно и русская национал-либеральная партия выделилась из индифферентной к великому всероссийскому инородческому вопросу “конституционно-демократической партии”»: «Немецкая национал-либеральная партия, в отношении программы внешней политики Германии, всегда проповедовала “пангерманизм” (виднейшим представителем последнего был историк Моммзен); так точно и русская национал-либеральная партия одною из основных задач русской внешней политики ставит расовый принцип “панславизма”. Расцвет немецкой партии — 1870-е гг., годы внутреннего национального объединения Германии; так точно и мы ждем расцвета нашей партии в эпоху решения великого всероссийского инородческого вопроса» [О русской..., 1905, с. 1]. Также Чехихин отмечал влияние Гердера на свои национал-либеральные воззрения, а посредниками между ним и Гердером, по его мнению, «явились Гегель — Хомяков — Достоевский» [ИРЛИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 4. Л. 31]. Последнему Чехихин уделял особое вни-

мание в своих работах. По его мнению, выраженному в одной из неопубликованных статей, «проблема соединения русского национализма с либеральной программой живо интересовала Достоевского, как публициста, и даже как романиста»: «“Дайте мне русского либерала — и я его поцелую!” — говорил один из персонажей “Идиота”, подразумевая под “русским либералом” русского националиста-славofiла (Чешихин полагал, что «давно пора писать это слово так, как здесь оно написано, т.е. как пишут его в Западной Европе». Слово «славянофил» он считал намеренным, карикатурным искажением этого термина. — А. Ч.), т.е. славofiла с политической либеральной (по старой терминологии “западнической”) программой. Всего ярче выразилось стремление Достоевского соединить в новом идеале русского национал-либерализма лучшие заветы русского славofiльства и русского западничества в знаменитой речи о Пушкине 8 июня 1880 г. Мысль об этом синтезе поразила своею новизною и вызвала общий энтузиазм аудитории, и Иван Сергеевич Аксаков от имени славofiлов тут же заявил с кафедры, что эта речь “составляет событие” и что “отныне западникам и славянофилам не о чем будет и спорить, так как все отныне разъяснено”. Рядом с славofiлами, обнимавшими оратора, жали ему руку с не меньшим горячим и искренним увлечением передовые представители западничества. Итак, под русским национал-либерализмом Достоевского будем подразумевать синтез славofiльства и западничества <...>» [Там же. Д. 12. Л. 1]. Он полагал, что «уже в 1876 г. Достоевский охарактеризовал достаточно ясными чертами свою русскую национал-либеральную программу: его русский национал-либерализм 1) представляет собою союз славofiльства и западничества, 2) тяготение к расовому, панславистскому идеалу и 3) устремление к вселенской теократии, на основе “православия”, как “объединительной” религии по преимуществу» [Там же. Л. 4]. Первым же русским национал-либералом Чешихин считал А. С. Пушкина: «Пушкин сам есть синтез славofiла и западника, действительный русский национал-либерал: ему присуща

“особая характернейшая и не встречавшаяся кроме него нигде и ни у кого <...> черта художественного гения — способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, перевоплощения почти совершенного”» [Там же. Л. 5].

Изначально Чешихин пытался убедить рижских кадетов принять его национал-либеральную платформу, но после того, как эти попытки оказались безуспешными, начал формировать свою партийную структуру. В марте 1906 года на первом собрании Русской национал-либеральной партии в Риге были приняты устав и платформа, а Чешихин избран председателем правления [Первое..., 1906, с. 3]. РНЛП, по словам Чешихина, отличалась «как от русских националистов-консерваторов (ибо, по существу, либеральна и признает, в известных границах, принцип автономии для окраин), так и от либералов, индифферентных к национальному вопросу (например, от “конституционно-демократической партии”, проповедующей необходимость провинциальных парламентов для окраин России и отождествляющей принцип “автономии” с принципом “федерации”» [Русская..., 1906, с. 367]. По свидетельству самого Чешихина, в партии состояло 77 человек [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3836. Л. 56]. Правда, И. Круминя полагает, что таковых было не более 15 человек [Volkovs, 2004, 148 lpp.]. В конце марта того же года партия приняла участие в выборах в первую Государственную думу. Согласно данным кадетской газеты «Рижские ведомости», настроенной к Чешихину достаточно враждебно, РНЛП «при тысячах избирателей получила два десятка голосов» [N.N., 1906, с. 2]. Точных данных нам обнаружить не удалось, но абсолютно достоверно то, что никто из 5 кандидатов партии пройти в выборщики не смог. После неудачи Чешихин закрыл партию и создал рижский отдел «Общества мирного обновления», с которым так же безуспешно участвовал в выборах во вторую Государственную думу.

С начала 1910-х гг. Чешихин возобновил проповедь своего учения. Он полагал, что новые организационные стремления в среде русско-

го прогрессизма, проявившиеся в эти годы, приведут его к эволюции в сторону «подлинного, настоящего русского национал-либерального течения» [Чешихин, 1912, с. 2]. Новая партия, по его мнению, могла бы сложиться из «мирнообновленцев (прогрессистов), правых кадетов и левых октябристов. Думская фракция этой партии составила бы “левый центр”; платформа — мирнообновленческая плюс новая глава “национальный вопрос”, по платформе бывшей “Русской национал-либеральной партии в Риге”» [Чешихин, 1913б, с. 3].

В 1914 году Всеволод Евграфович попытался предложить свою концепцию для формирующейся «Народной партии». «Народная партия» — это организация национал-демократов, сложившаяся весной 1914 г. вокруг журнала «Дым отечества» во главе с бывшим товарищем председателя петербургского отдела Всероссийского национального союза А. Л. Горязиным и «группы независимых» депутатов Государственной Думы во главе с терским казаком М. А. Карауловым. Устав партии был подан на регистрацию в Санкт-Петербургское особое городское по делам об обществах присутствие, но в регистрации было отказано по надуманным причинам. Организационно партия не состоялась и в 1914 — 17 гг. представляла из себя только фракцию в Государственной Думе. Название партии также не устоялось, и в литературе можно встретить несколько её наименований — Народная партия, Имперская народная партия, Национально-прогрессивная партия, Национал-либеральная партия. Чешихин опубликовал статью в журнале «Дым отечества», в которой предлагал назвать создающуюся структуру «Всероссийской русской национал-либеральной партией» [Чешихин, 1914, с. 4]. Также он состоял в переписке с журналистом П. В. Васильевым, занимавшимся в новой партии организационной работой. Впрочем, взаимопонимания они не нашли, результатом чего стала критика Васильева в адрес Чешихина на страницах того же «Дыма отечества»; Васильев отметил «письмо нашего единомышленника во многих вопросах, который, внося в проект программы свои пожелания и замечания, в конце концов заявляет

буквально следующее: “сам же я до поры до времени постою в стороне, мирнообновленцем, хотя бы и в одиночестве”. И это заявление тоже очень типично для русского интеллигента, в натуре которого: все раскритиковать, взбаламутить, сбить с толку, увлечь других потоком громких слов, напугать перспективою быть обвиненным в недостаточной прогрессивности, в отступлении от “святых задач гуманной русской интеллигенции” и потом, когда уже с ним соглашались, — заявить, что “он до поры до времени остается в стороне”. Так не с этими же Рудинными надо выработать программу! Им какую ни составь, все равно они найдут ее неудовлетворительной, — и не потому, что их идеал слишком сложен, что в преследовании его они органически непримиримы, а просто потому, что они неспособны к практической работе, не чувствуют склонности к ней. Они живут мечтами, разговорами, очень отзывчивы к тому, что скажет кадетская “Марья Алексеевна”, суждение которой заслоняет для них всякую программу. Программа нужна для Соломиных, для Штольцев, а не для Рудинных и Маниловых» [Веров, 1914, с. 6]. Лидер «Народной партии» депутат М. А. Караулов более благосклонно отнесся к Всеволоду Евграфовичу и в письме к нему от 11 марта 1915 года отмечал, что замечания последнего на проект программы партии «были в нашем распоряжении, когда мы в собрании единомышленников у меня на квартире обсуждали окончательную редакцию партийной платформы», обещал поставить в известность о том, как проходит процесс регистрации устава партии, и выражал надежду «на конечный успех» [ЦГА РСО-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 199].

События 1917 года поставили точку на процессе создания национал-либеральной партии и привели к постепенным, но весьма серьёзным изменениям во взглядах Чешихина. Впрочем, эти изменения начались несколько раньше: «мало печатая в 1915—17 гг. статьей публицистических, Чешихин в 1916 г. больше времени посвящал чтению и изучению сочинений Владимира Соловьева, в которых нашел ответы» на интересующие его вопросы, и «ко времени мартовской

революции 1917 г. Чешихин уже выработал до деталей свою программу “христианского социализма” и вселенской теократии» [ИРЛИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 13. Л. 17], опиравшейся на синтез идей Соловьева и Достоевского. В 1924 году под влиянием происходивших как в мире, так и в Советской России событий он писал в своей автобиографии, что пришла пора пересмотреть политическую программу-минимум 1905 года и расстаться с “русским национал-либерализмом”» [Там же. Д. 17. Л. 12об]. До самой своей смерти в 1934 году Чешихин продолжал в крайне экстравагантной манере развивать идеи В. С. Соловьева, призывая к объединению церковей и созданию Всемирных Соединенных Штатов.

4. Заключение

Подводя итог обзору теории «космополитического национализма» Всеволода Евграфовича Чешихина, отметим следующие, на наш взгляд, наиболее важные, пункты:

1) Инородцы, по мнению Чешихина, за счет приобщения к русскому языку и культуре только расширяли свои культурные горизонты, могли ознакомиться с достижениями других народов как внутри России, так и за ее пределами.

2) Из этого следовало, что русский национализм оказывался явлением прогрессивным, способствующим движению к космополитическому идеалу, в то время как местные окраинные национализмы, например, латышский или украинский, вели в обратную сторону — к провинциализму, замыканию в рамках собственной народности. При этом Чешихин крайне негативно относился к насильственной русификации, считая, что только этически безупречными методами можно достичь желаемой цели. Своей теорией он решал и важную для себя – типичного для того времени русского интеллигента — психологическую задачу. Теперь, занимаясь распространением русской культуры в Прибалтике, он не чувствовал себя оккупантом, подавляющим местных инородцев; наоборот, из его концепции следова-

ло, что приобщение к русской культуре есть великое благо и путь к всемирному объединению. К тому же, требуя от инородцев жертву в пользу русской культуры, в перспективе он обещал такую же жертву в пользу общеславянской и мировой культуры, но теперь уже со стороны русских.

3) Будучи по своим базовым жизненным и философским установкам либералом-космополитом, Чешихин по тактическим соображениям оказывался в лагере умеренных русских националистов («национал-либералов» и «национал-демократов»).

4) Появлению на свет данной теории способствовали не только причудливые воззрения ее автора и его увлеченность трудами Соловьева, но также социальное окружение Чешихина и специфическое состояние национальных отношений в Прибалтийском крае. Вряд ли в другом месте возможно было появление таких, странных на первый взгляд, идей; в Риге же они смотрелись органично, хотя и не были восприняты широкими кругами населения.

Конечно, сегодня практически все идеи В. Е. Чешихина выглядят устаревшими и утопическими, но они хорошо отражают общественные настроения первого десятилетия XX века, когда, с одной стороны, происходило становление национальных государств, а с другой стороны — широко были распространены оптимистические настроения, связанные с расширением международных связей и ожиданием всемирного объединения. Чешихин попытался объединить оба эти явления в единой концепции, которая, впрочем, осталась невостробованной, да и была даже по тем временам излишне экстравагантной и носившей на себе печать как жизненного опыта и интересов своего создателя, так и его места проживания.

Источники и принятые сокращения

1. Веров, 1914 — *Веров Н. Е.* [П. В. Васильев]. К вопросу о Народной партии / Н. Е. Веров // Дым отечества. — 1914. — 22 мая. — № 21. — С. 5—6.
2. ИРЛИ — *Отдел* рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН).

3. Наша цель..., 1904 — *Наша цель и задача* // Всемирный почтовый союз. — 1904. — № 1. — С. 1—2.
4. О русской..., 1905 — *О русской* национал-либеральной партии // Прибалтийский край. — 1905. — 1 ноября. — № 238. — С. 1.
5. Первое..., 1906 — *Первое* общее (учредительное) собрание «Русской национал-либеральной партии в г. Риге» // Прибалтийский край. — 1906. — 6 марта. — № 54. — С. 3.
6. Платформа..., 1905 — *Платформа* русской национал-либеральной партии // Прибалтийский край. — 1905. — 21 октября. — № 229. — С. 1.
7. Русская ..., 1906 — *Русская* национал-либеральная партия в Риге // Всемирный союз. — 1906. — № 15-26. — С. 366—368.
8. Русский европеец, 1904а — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. О международном значении русско-японской войны / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1904. — № 1. — С. 6—7.
9. Русский европеец, 1904б — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. Национализм прогрессивный и прогрессирующий / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1904. — № 2. — С. 21.
10. Русский европеец, 1904в — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. О международном значении Указа 12 декабря 1904 г. / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1905. — № 3. — С. 45.
11. Русский европеец, 1905а — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. О междуславянском сближении / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1905. — № 7-10. — С. 157—159.
12. Русский европеец, 1905б — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. Обращение К. Геруца к славянам / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1905. — № 7-10. — С. 245—246.
13. Русский европеец, 1906 — *Русский европеец* [Чешихин В. Е.]. Два роковых препятствия к реформе / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1906. — № 7-10. — С. 205.
14. Собеседование..., 1904 — *Собеседование* подписчиков и редакции // Всемирный почтовый союз. — 1904. — № 2. — С. 28.
15. Чешихин, 1904 — *Чешихин В. Е.* Русь и Украина / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1904. — № 2. — С. 18.
16. Чешихин, 1905 — *Чешихин В. Е.* Прощанье с самодержавьем / В. Е. Чешихин // Всемирный почтовый союз. — 1905. — № 7-10. — С. 207.
17. Чешихин, 1912 — *Чешихин В. Е.* Всероссийская национал-либеральная партия / В. Е. Чешихин // Против течения. — 1912. — 10 ноября. — № 4 (56). — С. 2.

18. Чешихин, 1913а — *Чешихин В. Е.* Разрешение ли славянского вопроса? (Ответ на заметку Н. Покровского в № 35 «Славянина») / В. Е. Чешихин // Славянское дело. — 1913. — 26 июля. — № 1. — С. 3.

19. Чешихин, 1913б — *Чешихин В. Е.* К вопросу о будущих думских группировках / В. Е. Чешихин // Славянское дело. — 1913. — 11 августа. — № 3. — С. 3.

20. Чешихин, 1914 — *Чешихин В. Е.* Какою должна быть новая партия? / В. Е. Чешихин // Дым отечества. — 1914. — 20 февраля. — № 8 (66). — С. 4.

21. ЦГА РСО-А — *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия — Алания.

22. N.N., 1906 — *N.N.* Вопросы дня // Рижские ведомости. — 1906. — 17 апреля. — № 668. — С. 2.

Литература

1. *Круминя И.* Всеволод Евграфович Чешихин / И. Круминя // Даугава. — 1996. — № 4. — С. 128—145.

2. *Леонтьев К.Н.* Национальная политика как орудие всемирной революции (Письма к О. И. Фудель) / К. Н. Леонтьев. — В кн. : Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 12 томах. — Т. 8. — Кн. 1. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2007. — С. 497—548.

3. *Volkovs V.* Krievu Rīga / V. Volkovs // Katram bija sava Rīga: daudznacionālas pilsētas portrets no 1857. līdz 1914. gadam. — Rīga : Izdevniecība AGB, 2004. — Pp. 113—150.

© **Чемакин Антон Александрович (2015)**, аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), chemakinanton@ Rambler.ru.